



Георгий Леонтьевич Зайцев.

Елена АЛЕКСАНДРОВА,
художник, член МХФ

Бродя по первому этажу Русского музея, не перестаю удивляться незаслуженной малоизвестности «русских импрессионистов». Да, кто ж спорит, чудо как хороши Писсарро и Ренуар, Дега и Моне, Сислей и Мориццо, — апостолы и светочи импрессионизма французского. Но стоит пройтись по наполненной светом и цветом экспозиции отечественных представителей этого стиля, чтобы оценить: наши-то ни-

Георгий Зайцев: судьба как Живопись

ской красавицы, так это, как раз, представители нашего импрессионизма Филипп Малявин и Абрам Архипов. Их «бабы», наряженные в кумач и цветастые платки, необузданные, красивые диковатой красотой, словно иллюстрация к блоковскому о Руси: «А ты всё та же — лес, да поле, да плат узорный до бровей...» Меж тем, по стилю их работы — самый настоящий импрессионизм: выхваченные из потока жизни мимолётные впечатления, буйство цвета и света, неременный пленэр. Ах, какая это роскошь: полотна Коровина и Серова, Туржанского и Жуковского, Степанова и Грабаря, Борисова-Мусатова и Юона, и их младших современников — Пименова и Пластова!

творчества Зайцева не соответствует его уровню. А уровень таков: лучшие его полотна ничуть не проигрывают соседним, очутись они в экспозиции первого этажа Русского музея! И когда же художнику об этом сказать, как не накануне его 90-летия, которое мы празднуем 19 апреля?

Нет, сказать, конечно, следовало намного раньше, да находились коллеги — художники, критики, (как говорится, люди, «широко известные в узких кругах»), которые и говорили. Чего стоят только восторженные отзывы на альбом репродукций Зайцева одного из моих гостей, потомка эмигрантов первой волны! Альбом он с благодарностью увёз в Париж, на родину импрессионизма.



«Торжество сирени», 2004 год.



На 85-летнем юбилее Мастера. Библиотека редких книг на ул. Школьной, 2013 год.

чем не хуже! Может, лишь краски у иных построжее, а сюжеты посуровее: север накладывает отпечаток на живопись. Но так и должно быть, иначе она лишилась бы главного своего смысла: живописать жизнь. Да не обидятся поклонники Карла Брюллова, но он, по мне, — художник итальянский, со всеми его шелками и многокрасочностью, сквозящим в лучах виноградом и полуобнажёнными, смуглыми его сборщицами. Кто и вправду запечатлел тип рус-

Так для чего я это всё — в городской газете? Да потому, что здесь, в нашем городе, с далёкого 1963-го живёт художник — плоть от плоти своих великих предшественников, настоящий русский импрессионист Георгий Зайцев. Георгий Леонтьевич — человек удивительно скромный (не для красного словца, это действительно так) и отчасти поэтом, наверное, а отчасти потому, что на дворе нынче пошла эпоха постмодернизма, известность



Матрос Черноморского флота Г. Зайцев, 1950 год.

Да, альбомов репродукций у Георгия Леонтьевича вышло три: «Болшевская палитра», «Клязьма — жемчужина Подмос-

ковья» и «Сказка Лосиногостинского Острова»; да, с момента приезда в Болшево живописец регулярно участвует в городских вернисажах (а это — 55 лет!); да, в Королёве и Юбилейном прошло немало его персональных выставок, а щедро даримые работы хранятся в большинстве городских музеев, включая Цветаевский и Дурьянский, в библиотеках, ДК и других организациях культуры... Но этой «местной» известности так мало для талан-

та всероссийского размаха, для работ, представляющих национальную культурную ценность! С этой несправедливостью надо что-то делать. Сам Георгий Леонтьевич не делал и не собирается, предпочитая тщеславию творчество, а словам — живопись. Значит, делать нужно нам — культурной общественности, коллегам, чиновникам от культуры. Юбилей даёт право произнести всё это вслух, но сказать хотелось давно.

Итак, для тех читателей, ещё не встречавшихся с творчеством Зайцева, Георгий Леонтьевич по преимуществу пейзажист. Любовь к родной природе, умение почувствовать её неброскую, но щемящую сердце красоту, у него, должно быть, из детства, проведён-

пастозными, хранящими тепло руки и движения сердца мазками. Это именно Живопись! За такое мастерство не жаль и жизнь положить — и она положена...

Много раньше, чем поступил в Рязанское художественное училище, деревенский паренёк заболел искусством. После училища была учёба в Московском полиграфическом институте, где учился у Андрея Гончарова, знаменитого советского живописца и графика, ученика Юона (вот и «родовые корни!»). По окончании института по распределению попал в Болшево, в группу оформления технической документации КБ НИИ-4. С 1979 по 2004 год трудился художником-оформителем в военторге. Но главная ра-

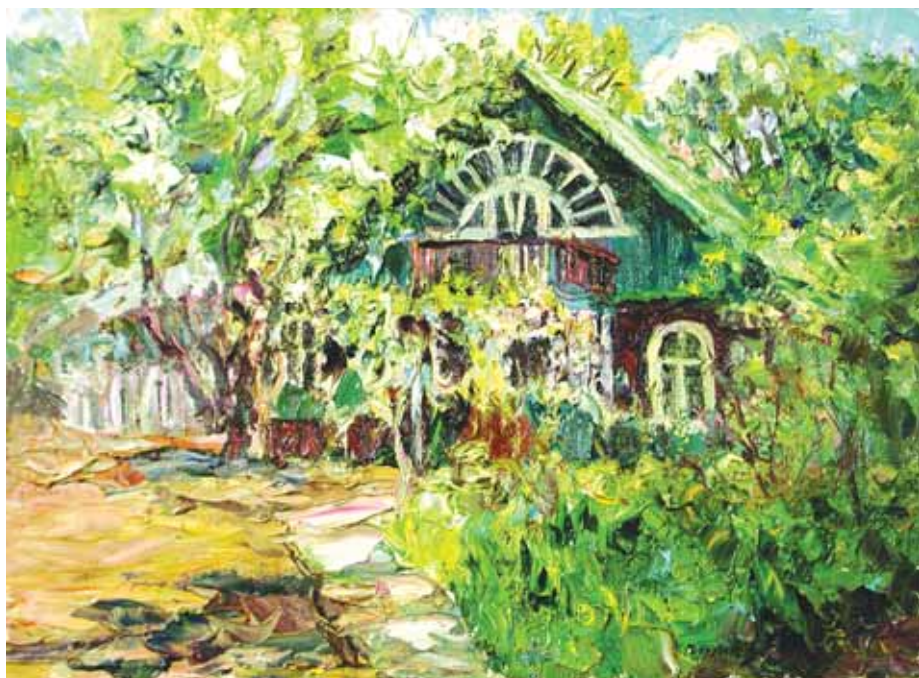


Георгий Зайцев в своей мастерской, 1958 год.

ного на тверской земле, в деревне под Калязином. Эту живую связь нельзя переоценить: именно она питает и делает неповторимым творчество живописца, недаром его излюбленным методом всегда оставался пленэр! Акмеистичные, выхваченные словно мимолётным взглядом картины весенней ли распутицы, пылающей ли осени, застенчивого русского лета или хрустальной, звенящей зимы написаны размашистыми,

бота члена Международного художественного фонда Георгия Зайцева всегда протекала в его живописной мастерской. Тысячи работ — пейзажей, натюрмортов, портретов вышли оттуда, чтобы украшать наше существование, приподнимая его над обыденностью, демонстрируя её поэтичность. И они делают это!

С днём рождения, Мастер! Спасибо за высокий пример и — многая лета...



«В саду музея С.Н. Дурьиной», 2003 год.